

Марк Мартынов

ПОСЛЕДНЯЯ ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глубоко вздохнул. Единственное богатство твое это трусость дорогая она шире милая и глубже океана жизни смерти как трусость даже больше больше чем больше глупость весьма определенная никаких соподчинений, да говорю о себе о не говорю вовсе о вас шепчу всю жизнь на жизнь жалобы примитивные иероглифы из страны жмурок неизвестно никому ничего нем нет но и не речист цветаст где тощ? так много дерьма успел с первой строки, музыка возлюбленная чужие звуки они всегда чужие, надо платить, надо быть честным надо быть надо, вся история потом антиистория отрывок разрыв разрыв сердца сосу"-дов чела идеи, и пошло пошло до тех пор пока тени иносказуемые тени борьба за жизни маленьких уродцев одинокий сон сладок не буду объяснять по стене топали клопы, капли крови кому я должен только им они не умеют работать тихо из-за обоев из-под старой газеты есть ли у них глаза нечто похожее на ничто писем давно нет от кого? не знаю, туманная добродетель, очень слов, свй, час, ~~ниш~~вынесет сейчас сейчас я что-то напишу, трагедия познавания добра сука заросла осокой о сольди мракрвучка к делу кто есть, а кто пашет, а кто еще? облако зная если что-то зачем сказать ~~хити~~ чтобы затем еще что-то сказать, добавив, очень мило, заглохло, ну ничего, аллитерация вынесет начали пасть спать тапа патата ата сата чта тяпа сапа сап сейчас выясним, почему? ах, да, ломит грудь, в меня швыряли кирпичи, ловил рыбу нельзя рыба должна достаться поколениям а ты пока капусту жуй жуй клетчатка надо сохранить здоровье и фигуру особенно здо-

ровые тоска всю сохранить не смешно путешествие? пока не
натравят в поле трактор не раздавит раздавит два давит
нет ~~пусть~~ другой другие болезнь когда вырезали глаз он смо-
трел на нож на свет огромная лампа рухнула вместе с кус-
ком потолка и раздавила и глаз и врачей и меня но ты жив
чтобы потом написать страшно умереть а жить еще страшно
страшно все время и если бы не надежда на непродолжитель-
ную болезнь а дети их некому кормить научатся лаять а же-
на будет спать с другим матросом кровать в шишечках рожа
в шишечках оставим пейзаж приходить к нему жаловаться ему
а он тебе трубы, белый дым боль в сердце боль в облаках
пижама молоко в окне пейзаж одуванчики никого можно отдох-
нуть можно покурить можно посидеть на траве не заснуть
болит глаз в нем нож в глазу всегда нож интересно какой
глаз закроется первым, доска, а над ней земля, над землей
шаги, над шагами небо, над небом доска, за доской я, не хо-
чу, надо, хорошее слово, нет, никогда, я вижу то что никак
не может себя потерять, и все кончается кроме ожидания,
которое знает, что оно тщетно, пить визги скворца искус-
ственный элементал, забыл, снова звон беременной мушки,
летающий тиф, холера, подальше от этой мусорной компании,
все еще позади и Адам и море все будет позади все будущее
уже позади, вранье, впереди только песенки о тихой старос-
ти, сколько голов надо снять, чтобы задремать над штопкой?
глупое слово, при чем здесь Всевышний, он ушел, удивился
созданному моим пером и ушел я остался врать, тоже ушел,
я не приходил, меньше ячества, ничего и не писал, булочка
с двумя глазами, много, на ножках, вот они в трамвае они в
театре булочки думают о собственном изюме булочки спят и
плачут, иногда за роялем в банке, они страдают встречаются
батоны, черствые, мудрые, нетонущие, нисходящая мета-
фора запрещена, другую не знаю знаю ее нет булочки и вос-
ходящей, пример забыл, умер, закопали с глаз долой, один
и тот же сон, душат, потом задушенного голого водят по
улицам варят в котле солят и всем городом едят суп, мой
суп, или суп из меня, мне дали меня а потом меня съели,

хозяин-барин, смешно, придет другой в мою нору и скажет, какая тоска, предшественник был гнусный тип, может быть из меня сделают бульонные кубики, очень удобно в походе в путешествии чашка кипятка и немного перца, его у меня хватит, как рука не отсохнет писать подобную чушь, не спеши, отсохнет, позже, ни в коем, музыка, прыжок, выше, прощаюсь, ухожу, что здесь делать? молчите даже свистеть нельзя, о цветах можно, разговор повторяется, хотят жить спокойно а где-то спирохета охотится за живчиком, жизнь, борьба, тома приключений, наконец, свадьба, долгожданное, побои, воспаление легких, спирохета умирает, сперматозоид-вдовец, старость и так далее, удивительно, я еще в трехлетнем возрасте описывал Куликовскую битву и свое участие в ней откуда? меньше вопросов врать надо меньше для себя пейзажу не соврешь, я пейзаж, растекаемый, зубастый, он и я, я это он, он без меня не пейзаж, мы холодны, я не корми пейзаж глазами сто лет, легко сказать сто, а вдруг больше, покормлю его завтра словом, весь запас слов подарю ему, пусть онемею а он будет говорящим, так и было, страшно без него, ювелиром я подарил бы пейзажу, или что-то в этом роде, ведь не торт же, очень много бы, заиканье несвязность слизь, по дороге можно споткнуться о собственный скелет, собственное общество, ходить лежа, этого не доставало для полного бреда, без боли было скучно, распорядитель балагана, что такое волосы на теле? усики спрятавшихся под кожей эфемерных существ, насекомых, кошмар, и таскаешь их кормишь не подсыпать ли яда? джайнизм забыли после меня существа переберутся в более волосатого, у детей голое, у детей обезьян? каких? утром, стол пустой, разбит стакан и череп, нового не приснится, умирать и жить, скучная пена, драка у ворот типографии литературоведенье обожает стансы никогда пафос тишины философский роман неплохо горит борьба за костюм из листовой платины, умница я умница, неплохо, усвоено, но, пока, надо, работать, на тарной фабрике, пилостав, шилоправ молодчага, ша, яшур забыл потерял мысль, еще несколько слов и вынесет, сладкий сон богини,

тотальный инцест с пашней, ага, увлажнился, со слезой, мы были друзьями, перевернулся, лодка на дно, в океане встретишь черепаху она наденет хомут четыре первых парамита, забыл, "Чарьяватара" на каменных досках, правила воспоминаний смертности, если позволит генетический котел, тихий вечер, невозможность родить мысль возможность это понять писать надо без помарок, если есть что, быть игрушкой рта читатель пиявка хлеб или кровь, взрощенное или жизненосное, дорогое мое единственное наречие писатель заканчивает плохо так же как и книга, оставим эмоции отдаю авторство кому угодно, не ловите на слове, можно сомневаться, сингулярная повесть о пустоте когда-нибудь товарищ человек ваше место занято другие бродят по другим которые других не знали, ошибка, аттракцион светлой памяти материи, тупик истязаний, предобманное 0, что-то касается лица, обратное вчера, боль, неплохая шутка, растворяются в желудке а думают в вечности, не туда попали марионетки для анекдота, оратория, веера на цепочках, с последних рядов, минута до, пунш без очереди, расход к дому в расход радость сменяющаяся, проказы проказы, ящеры вымерли даже на дотации у государя водная стихия, мост где-то убили лошадь, яркость зимних зим небесные мгновенья подо льдами прииски рыбных косяков, если, недоступность спрашивающая о своей недоступности, есть ли у муравьев свой Рассел, уверен, если все слова утопить Гималаи уйдут на дно, ярмо сладчайших мечтаний над головой детские хитрости единицы отрицающей ноль смеется пунш тянет губки бантиком плохое сравнение или образ забыт? ноль, хитрая бестия, и есть он и нет его, у единицы инсульт, тяжелые роды, новогоднее, блещут игрушки праздничные фантазии дети смеются, в углу, на подушке, она, недавно, из больницы, не верит, неужели семидесятая елка, не хочет, дети бьют шоколад, дорогое съедобное стекло, мама, принеси орехов, дочь, ей пятьдесят, ее дочь, ей двадцать пять, на подушки смотрит, когда же? встреча взглядов, когда же ты? чтобы суженого привести не на кухне же с новым годом мать матери моей мать хочешь ситро? приходит сосед,

забыл о празднике говорят новый год будет годом любви, га, го, го, танго, Ляля, конфетти, очень мило, полночь, гоп, гоп, завтра поминки а сегодня застольная агония год поды-
хает вместо цветов хвоя, но, чу! еще миг, ура ночью с новым, для кого-то последним миленок адам и ева кусают яблоко чу-
жих глаз уравнение с двумя известными, дьявол умник, после очередной шарады ест мисочку бобового супа и в парк заутю-
женный цивильный костюм читает томик стихотворений, стихотворения, осень, в глазах пепел, слезы, весна, яблоки в дымке, конь пьет воду, в горах эхо, тюльпанная завязь, луга, долины, в до-
линах богини ближайшего селения рвут урюк, их песню ветри-
ло уносит к Казбеку, с юга, персиковая кожа, персиколовая улыбка, у дамы с гормоном в руках пожелтелых за оградой ад-
баша на персях фильдеперс, для своего австралопитека вы-
рядилась, бандерша, лицо не сеет и не пашет, у нее во рту маленький арбуз, вот это фокус= приходит к своему пить мо-
локо из его рук, он читает роман о безногом мальчике, скаб-
рез, она, ластясь, что будет после нас, фифончик? в голове у него урчит, ах ты мой сонный птеродактильчик, венец не в цене, агнец кривокосонос и зубат, присоски ртов их ал цвет, незнакомец вошел в дом с книгой, дрянь вопиющая, склочник, ему надоело быть знатоком одиночества захотелось иметь со-
страдавательницу по пивной меланхолии, благоуханная избранни-
ца, совка, страдающая уремией, к делу вскричал герой, посмо-
трите он обратился к незнакомцу, посмотрите ваше начальное превосходительство есть ли в ваших списках моя фамилия? минутку, минутно, может ли быть? только для этого и стои-
ло, если знаешь, что есть она, можешь долго ожидать ее, да, о, конечно, это не прибор для выжимания пузырьков, пейзаж-
ная картина, она не оттолкнет, молчалива не потому что ска-
зать нечего некому никогда не повторяется лишь дать знак, и свиданье состоится, плоды начал, ахи сирен, ласки новых
волн побасли надежды на несут к вершине ада свежесть грусти
оставшей на небесной постели дрожащей в аромате цветов
постоянства дуализм чистого листа хватит ругаться сублими-
ровать крякодел кто больше всех нравственность бодряги таб-
лицы Менделеева припудренные афоризмами из книги мудрых

мыслей не давай поцелуя без любви как у пташки крылья малы
кого удалца острого как шило крепкого и нужного звонкого
под старость ржавого с кольцами и бубенцами загадка отга-
даю и научусь зажигать спички, в разметающейся жаре жух-
лый ветер он какает дряблости ~~зеленей тополя~~ тополя все
прогоркло вздохи, пыль, безглазые мухи, жив да жив, вжи
вжи, лист пообмяк, травы поникли, ручей помссох, тускло
все лишь громоздкий носище шипит, царь гусей не брат царю
лосей, наличие ~~разных~~ различных метеоров не означает су-
ществование целей, ндаа, смотрю я вас, и кажется мне, те-
бе, вам, им, кому-то, что вернулся, вернулись в свою мла-
дость, трудности, романтика, красота жизни, хотя как поют
известный актрис на поезд в юность билетов нет, не очень-
то тянулись к слову, штамп, стемнело, все, сидит мужик на
заваленке думает, не дай бог, война, заберут меня, будет
два выхода, не убьют, хорошо, убьют, плохо, если попаду в
рай, хорошо, в ад, плохо, будет два выхода, в котел попаду,
хорошо, черти съедят, плохо, будет у меня только один вы-
ход, чайные размышления о сущности подняться на вершину,
надвигаться туче темно-синей, она будет на моей высоте в
ней молния, окружит туча туманом и свежестью, в карманах,
в ушах, в легких облако, пробежали по воздуху неизвестные
существа, наступили ~~их~~ и на тебя наступит просветленье
прошло подножье блестит от дождя, но еще не пронеслись
астральные вихри, чувство эфира в воле инверсивных брать-
ев, наоборот, оставим, солнечная душа уйдет, мозговые ко-
лодцы а ниже растворимость через сарказмы злостных лет,
ученый в нем не состоялся, в том было, и, немало тайн,
спасибо китайцу, порох загорается просто, щелчок, и рожа
стала георгином, проснулся и обнаружил, дома нет теляти-
ны, вермута и монпасье, волки не интересуют, овцы тоже,
в красной комнате пахло огурцами, удивление придет по-
зднее, войдите, пройдите, что видите, в большой комнате
много окон, в каждое из окон светит солнце, стальная, чес-
тное слово, длинноногая без лица стального блестящего
стоит у стального блестящего стоит у стального стола и

режет арбуз, вы подойдите к столу, попробуйте стальной арбуз и поблагодарите хозяйку уже одетую в благодарность за визит легче уйти из мира чем уйти освободив слиянье звуков, что ж делать, если ты устал, топча ногами собственную гордость после он зубы чистил аргентинской пастой, повторяя, голая лошадь будет смеяться от страха, если пустить ее на матрасе в шторм по волнам вот где комедия узнавания добра в том что ты не порой лишь прав, исправив, но не исказив, ноту, пишу с надеждой, вопросы все отставить и на- править, разозлив щепоткой соли небо чарку пива в рот чудесное письмо читаем господа если бесстрастно смотреть на оттенок, весь в прошедшем, произведение плохих художников, и их мысли, движок воз приятий, все это во мне в остывшей форме, половуха, пусть, что за вопрос, разводить руками и качать головой, меня сделали, нет, так нельзя, тяжело, а когда доберусь, докопаюсь, и буду хозяином, нет, диктатором того кто сегодня, и всю жизнь мою любимую, издавая законы моего, только моего бытия, я возьму того за горло перед зеркалом перед костром поблагодарю оторвав от прошлого самое ценное собранное по крупницам когда же все-таки, расправлюсь с я захочу сказать кое-что другим если до этого дня доживу что прискорбно ибо пришедшие мягкие тени стали прошедшими и придет слово, немое, уставшее, измочаленное, и я напою его своей кровью, или чем-нибудь покрепче, что подвернется в пустоте как красиво в пустоте не подвернется в пустоте подпустотится выпустованно-наипустейшая пустяковина врат, не ответить, любишь себя, мечтая о наслаждении переходом в отсутствие, в отсутствие чего? было ли присутствие? подлая сеть вопросов, подальше, когда в последний раз будет дрожание голоса, появится редкая песня, и еще, плененные небеса задрожат, чистота воссияет просвет, гордость неба, оно, такое же живое, даже, больше, чем, доказательства, нет, оно, живое, качается в моем хрусталике, движимое, ветром, флюиды земли поглощая, мою, всю мою, эту и эту жажду глотая, жажду чего, там вопросы иссякнут до исчезновенья будет оно упиваться своей простотой и тогда я

ухмыльнувшись жуткое слово что собственно не известно слабому писку и чувству постигнутому еще раз кое-что неизвестное мне наречие только вошли и расселись, дверь на ключ, на столе, до Галифакса нас проведет эскортный корабль, новый год отметили под водой, штормить начало с 29 на 30, а затем явился хурикан, наблюдение, ночью кильватером, идем под брейд-вымпелом, в Тихом океане кончилось горючее, всплыли, тотчас налетели самолеты, из всего экипажа уцелел один я, добрался на пустой канистре до каменистого берега, остров, здесь мне суждено, быть, может быть кто-нибудь здесь живем, поговорим, только не бейте по лицу, зубов нет, воды много верить, не верить, избитая тема одиночества, островитянин сейчас начнет вспоминать прошлое, затем построит дом, сделает корову, сделает амбар, шоссе, машину, на берег волны вынесут кое-что из инструмента и, конечно книги, ничего если это будут пособия по демагогии, ты обрадуешься, слово будет согревать тебя у костра утверждаемые идеалы антагонистические зори объективная реальность что ни день то инвектива в моем доме лежали шкуры, а на них спасшаяся капитанская дочка, нас уцелело трое, она, ты и грандиозный сифилис, отбросив жеманную сентиментальность, она избавилась от болезни, это была первая смерть на острове, я называю, молчать, я называю его островом надежды, моя подруга мечтала о детках и о семье по-варварски в пороховом союзе я стал профессиональным знакомым в свободное от гнидобойни время она корчила из себя возбудителя самосознания, на мои попытки хороводиться, балакать с ней, отвечала благосклонно, представьте себе каменистый берег и нас, худых, полуголых, четвертьголых, изучающих танцы пляски песни корчи и фокусы всех всех народов мира, вот и вспыхнула алая зоренька на небосклоне двух покинутых подул ветер счастья, мы были обласканы судьбой, моя фамилия была Шакунтизен-деко, ее я просто называл Коко, вранье, утро, иногда мечтали, лес, близ, либретто в сорока действиях, завтра, а вот и завтра, утро, на переднем плане дом крестьянки, вдовы, собирающей виноград, настолько поспевший, что поспешающий

сын вдовы не замечает утра в лесу близ домика вдовы которая вышла на крыльцо дома, взбешенно скрежеща зубами, потому что виноград пал в цене, Альбер прогоняет вдову, понятно? или еще повторить? возвращение с виноградника, танец переходит в любовную сцену, гаданье на лепестках, звуки охотничьих рогов, милый, почитай другое, скоро ночь, ты поставила капканы, на террасе появляется группа одетых дам, шлейф, дарит ей золотую цепь, она потрясена, рыдая падает в ноги потрясенной матери, ночь, старое кладбище, мановение руки, вот сцена на площади восточного рынка, пестрые товары, конечно же выкрики разносчиков плова и вина, ослеплена страстью, нет, чернил мне не жаль, его встречают ликованием, она подбирает медальон с его портретом, общее ликование пламенная пляска срывает фату смело готова принять смерть мечется по комнате за секундантом бросается в пропасть но падает в омут спасен затаил злобу, вливается взглядом цветущая весна целует край ее платья, забыл чьего, неважно, дальше скажет дальше, протягивает охотнику кувшин в нем кураре он смеется всеобщий любимец из-за скалы выстрел пуля попадает в розу он истекает кровью, цветы жасмина в залог верности, словно в бреду порог бедной хижины, звуки свирели, заклинает одуматься, дальше, взгляд полный тоски в мгновение ока безнадежно влюблен, антракт, звонок, прошу всех в зрительный зал, пленен красотой, целует край, ее платье в волшебном саду, в горах бушует гроза, сердце окаменевшее от горя, суровая кривда жизни, он нанимается матросом прощай берег любви крупным планом слеза он еще вернется, а что это ты читаешь мне милый, да так, волны опять выкинули на берег книгу, его уже нет, а он еще жив, желание видеть мир неотомимо, цветами утро дышит и теплом, как у доброй птицы под крылом каждый день на земле солнце в бубен играет для нас она была одной из тех востроглазых смысленшей с рожницей ортопедической красоты, любимых с колыбели для театральных биноклей, уроки музыки, тенниса, ей идет белое смешит гостей изображая зайца под кустом, а мимо идет

волк, умеет рисовать пальчиком на зимнем стекле кораблик, легко запоминает технократические ребусы, все для дочери, у меня жизнь была тяжелой, я засыпал в гидрокостюме, обвалы в шахте, север, больное сердце, расставаясь с ней учителя плачут, художники пускают слюну вожжей, только портрет, умоляю, но именно таких выберет случай чтобы, что? вмиг сделает случай из куколки тряпку с разорванной рожой, и вот, поседевшая в один день, в день когда ей, как казалось не только ей, было обещано все, но не дано ничего, вот и растаял туман идиотии, бредет с шиноремонтного завода, но по дороге прижавшись в парадном щекой к стене, некогда подвижный и веселый ум родит, если только родит, лишь один вопрос и ответ, зачем? счастья хватит всем, надо только модный халат сшить, пора к делу, ставить сети, Коко, будем с западной, скоро зима, надо успеть насолить большой запас рыбы, прогуляйся еще вдоль берега, может, что-нибудь выкинуло, хорошо милый, но стало ветрено, как бы наш будущий малыш не простудился, я забыл, первосинье, но не глаз, а небес, предвознесенье во вне, запахи в аллеях ворон тих его лапы мнут акварель листопада он вор он, все ушли с острова, холод, пуст парк, из далекого, нет, близкого моря, бедный, он какркал про свою первобытность, но тщетно, во льду, в ноябре все пейзажи над которым проносится планер был осиным крылом в октябре ноябре в первозданном морозе и в розе, в той что вором будет унесена, над, в ледовом пространстве, там где смех горизонтов, а те в свою очередь хмурятся в туманах и дымках мельчайших ледяных пластинок, что в морозном всегда висят воздухе, в льдовом разгуле, в празднике водной тверди, поющей взв, зыв, зов под коньками сильной стали одиноко несущегося буера с усопшим спортсменом, он оставил жену на острове, и бежал, в леднолетном движении так спокойно, так сладостно зябко все это для взора умирающей от мороза искристой осе пролетающей, и осиное сердце, радуется воспаренью, то холодные токи, то близость весны, над глыбой молчанья, малое сердце уже замерзает, осталось сил лишь на то, чтобы повернуть

усатую головку, и разглядеть на замерзающих своих крыльях тонкую роспись льдов, неба, снова взмах и шорох скользкий над глыбой молчания, а на этой глыбе стоит огромный зеркальный куб, на осином крыле, на левом блеклые перистые облака, на правом зигзаги узоров, расцветозакат, идти нелегко второзданная миссия мысли где твой взгляд обращенный во вне что может быть ярче взмахов век и веков над пейзажем исчезнет и завтра войдет сожаленье в воздухе лист разметался, штрихи легли на лет бровей, желтые губы уткнулись в листья, те покроются за ночь росой как ты себя чувствуешь, он уже ножками шевелит, закрой глаза, какой улов? сегодня бедно, открою рот и скажу, дорога, я, ты и так далее, с первой попытки не получилось, когда-нибудь на этом острове построят туристские приюты, а город назовут моим именем, сделают канатно-кресельные дороги к источникам минеральных вод, водопады подсветят прожекторами, военно-исторические памятники и курорты, музеи и интересные объекты природы привлекут когда-нибудь сюда, на мой остров толпы праздных и сильных, скоро ночь, закрой дверь, пора, в тебе еще бродят молодые соки, силы молодости шипят в тебе, и ты сатанела, молодая сочная самка, захлебываясь от бесстыдных видений ночных, от снов бросающих в ущелье предчувствий, отношение к совокупности линии и знака, думала, что если и дальше так будет, от счастья умрет, не сам он, насмешка, прохождение точки, или тень таковой, а когда, ночью мучилась, рука, шуршали блестящие волосы, помнишь, как я тебя подобрал на берегу, до сих пор, группа точек, попытка разглядеть линию снизу, согласие, линии уходящие навсегда, в никуда, в кажимость, несущие линии, проносящиеся через, выход и вход, колебалось шепталось на дне океана, закон мироздания готовил природе подарок, осень, милую мать умиранья, пульсация бездны, ближе, не закрывай глаза ты сыта по горлу свет ползет данность помощь не дошедшая до еще ближе что тебе снится мне ничего, а тебе снится, мне никогда ничего не снилось плата за зрение на остров утром налетит огромная волна, она смоет все, это

удача, никто не видит, дай руку, вот так, чувствуешь? иногда из серого, как из сферы, звал неясный голос, линия прогибалась, голос снизу, там волна, там другие цвета, путь, приходил ее образ, не искаженный, она идет по лесной тропинке, а он случайно отдыхал, писал наброски переливы солнечных вакханалий зелено-сизые канканы шевелений она просит, он просит ее, наконец-то, набросают несколько этюдов, черепаха ноль стальная фигура корабль остров женщины оперетта замерзшая оса волна сметающая все в залог дружбы, он напишет изможденные небесные тоны руки ждут некому подарить куски чуждого сверлящие афоризмы гортани лишь только ее достойную скольких вздевшую в альковах, где картаво-кровавый, шум драпировки обещает гостеприимство от имени матери-земли, она не говорит сколько сожрано, можно надеяться что кого-нибудь она не досчитается, эксперимент на падалевместимость, была у меня уверенность, что роддомовский этап можно пропустить в звене всеобщего но даже громкозвучные моряны и те насаждают культ ливерной колбасы на столе умствуется изобилие, ветер позволяет нескромные прикосновения, столь мучительные, после написания портрета, сочетающего умоисключения что около сердца которому никогда не отдохнуть как некогда, в шуме музыкальных вихрей, исчезающих, преступная белизна в близости, внутрь, дальше, в дверь, через подло-разовые губы шепот речитативов, обмякших для новых, мгновений, полных блеклогадых, аспидноцикутовых рож, кто же хореограф танца на крематорных досках? куда скрыться зачем это счастье, химера, алкающая сукровицу болезненное воображение долг в жизни беби будут прикрываться теорией ромельетты швыряя свои животы в пространное никуда мечтают в горелки поиграть первая скрипичная радость в помощь всегда нравственный императив а светлое, чистое? взбухают и лопаются, а фиалки под парусами Мангуса? демоны устанут жевать конник-фаготист всегда бодр воцарит благоденствие, вечный футбол, вновь паруса уносят в светлую страну мракобесия, танец мумий, бензин кончился, передышка, фатум на часики поглядывает,

потаянные диапозитивы громче хохот вторит авторитет абсолютная вода везде вода, движение пыли не исчезай утро через несколько часов исчезнет указ приказ генезис, пачка сигналов, всплеск на двенадцать баллов, слоговый глагол гол, всем управляет бедро рептилии примата или таракана, но остров уцелел, пошли дети, долго они выходили один за другим прыг скок и вроде жизнь веселее пошла, рыбы и дичи хватало, родники не иссякли еще можно приступить к главному не имеет значения из воды выплыла безногая женщина, в ее сумке находились мутные сосуды, из одного она выпустила лягушку, из второго кошку, из третьего рыбу, из четвертого маленькую макаку, птицу с белой шеей, все это сцепилось в хоровод, и понеслось вдоль берега гудя шипя квакая и мяукая через несколько часов хоровод превратился в огромный кишачий шар, кричащий клубок живности, проглотил поглотил вдавил в себя всех кроме мужчины, клубок оглушительно завизжал засвистел заухал подпрыгнул, из него выпало несколько рыб и змей, рухнул со скалы в море и был таков, поседевший хозяин острова вернулся в дом лег спать и проспал несколько лет.

П

Не могу закончить этот бред тащит какая-то сила словно привязан за ноги к поезду, морда о каждую шпалу спотыкается, куда привезет и что привезет от меня оставшееся этот поезд? как сказал ххх бессвязность иной речи зависит лишь от того, кто ее слушает, дальше побежала рука все дороги открыты, была весна, до меня она не доходила, был занят наукой о собственном, из окна видел школьники нахально-чистенькие выбежали, знакомо, значимо, впереди этапы, начальная эйфория у них закончилась, скоро толерантность, метаболизация обстоятельств, лет до пятидесяти зависимость, и наконец аскетизм с синдромом отнятия когда не хочется в домик свободы ра-дуйся пора бы-чих падежей не скоро кто-нибудь из тех кто внизу начал топтать ли-

тературное пастбище, жаждет накропать эпос своих страданий, первые пять из двухсот томов описание незыблемости природы, их в семье тридцать душ, кашляющая мать, однажды, мама я решил стать писателем, в город провожают всем селом, мир жесток, годы горьких познаний, платиновые мерзости, катастрофа брачного танцема, с деревенской смекалкой утаивать основной труд жизни, пятьсот томов ты он я напишем к своему столетию пять томов в год это даже скромно ты затянулся пох пох пересушенный табак, сейчас придет дружище-литературовед, его обожал, он виртуозил бредятиной высшего арбитража, агрессивный формализм анархистский эпатаж концептуальный радикализм после приступа он сиро-

пил, без нас вы сиротливо грешили бы суицидом, мы кормильцы, поильцы и завхозы ваши, нас иногда мучают, называя литероедами, но это зависть, в жизни литпиявки больше творческих дней, чем у сочинителя, сколько зеленого золота сгублено для извержений декларативной пиитики, настоящая война между институтом словесности и академией древохотия, я, сказал он, человек отважный, за что и страдаю, и заявляю, литература подразделяется на социальные вопли, поэзию гормональных вивисекций и философское вымогательство бессмертия, а вот и он, вошел, заплакан, утес лица обшитый тесом обшит ручонками, затем вскочил нервно позвякивая мужским поясом целомудрия вышел краткий и впечатляющий визит, ветер тучи носит, носит вихри пыли, сердце сказки просит просит и не хочет были пошутит ххх, вернемся к сказке, шаги в бетонном зале принимал горячий душ отдельный, узкое ты не взял ни мыла, ни лица, как отворачивается кожа без мыла под душем зачем? надоел душ и прислонился щекой к мутному стеклу, за спиной стоял сквозняк, дверь, все, где я был до себя, где-то, лодка, привезшая сюда, в прелостно-преместный мир окриков и залпов? стекло, стекло, там, где за углом, тамтам всегдашней тени, как плыть? колодец, нелепое, нелепое тело, проверил замок на двери, вытащил из мешка резиновые шкурки надувной семьи, надул жену, дочь, сына, угостил их смехом, пусть помогутся, погрееются, потом накормить их тальком и до до следующей бани, резиновые волосы, ноги, самая Красивая, Застывшая жена, надо подремонтировать твою грудь, достать хорошего клея, это было в день, вновь ты ощутил свет, словно впервые, в какую страну ушло время? свет устал, стар он но желая обмануться в Последний раз, свет изменил своему долгу слепить, трудно рассмотреть капли собственных эмоций, свет, чувствуешь, как сила теряется в обязанностях, кто-то иссушил твою грудь, она иногда становится приютом для сумерек, но вновь, и в который раз, вдыхаешь полноту Роскошных цветов, их, наверно, квинтильоны, распускаешься вокруг своего Единственного

пути застыв взгляни под основу что под тобой, свет? разве не отец хаос с Детским капризом заставил отца приодеться в форму единственности отражения, мы все отражения, где мать? была ли? чаша сверхжизни, лик мудрости, обрамленный в свободу свободную от свобод все это твоя мать, свет, сказанное миф, личный, такой же, как миф о существовании хаоса, о том, что была мысль, я, что было было, пора уходить от воскрешения, от картины поднятия на свет, мирволить, благоденствие, глаз не очарован, черным бело, и поздней осенью, когда вносит покой искрометная белизна, долгожданный, драгоценный, достойный только одного, снега, щедрого, тихого, живого, дарящего всем свой свет, СНЕГА ВЕЛИКОГО, без которого устоявшая вода теряет волю к отраженью, острого снега, шелестящего о замерзающий значок, глубокого, хрусткого, не белого, но и не черного снега, снега! и осенью пали снега, беззащитные, бесхитростные плоскости, но остался запредельный тот шепот ветров, тот далекий уют небосклона, снег, овеященный светом, с визгом поднялся хвост поземки, ее голова уже за дальней рощей, вспомнил ее? в ней летней в сиреневых кущах держались в арии птицы, заюлило, зазмеилось тело поземки, меж стволов, меж жарких от холода рельс, а поезд все тащит меня, мордой по шпалам клавишин остудила поземка пасть голодного волка, и дальше дальше безного стремительно сквозь бор по оврагу в деревню и из по дорогам пустынным меж черных лопухов по гладким камням по озимым по раскорчевью дико гнаться за чем-то а затем скрываться от весны в день творенья холодов в час странный тусклый вновь вернется сонмище существ поземок и только сверху можно рассмотреть те стаи снежных сил раздольно понесутся чтобы оживить пейзаж и мудрость замерзания вернуть мне тебе, открыл глаза сейчас откроется крышка, заплачут повезут домой, вытащат, обмоют, будет молчаливый досуг, приведут врача тихо жена и дети истощившись в ожидании подкладывали очищенные апельсины подсматривали за тобой для них иноходцем за несколько месяцев до этого я не мог

подняться стеснялся когда жена брала судно хотел чтобы нянька сын мечтал о велосипеде приходилось экономить по ночам вновь и вновь окунаться в вину, ты жил потому что жил я работал потому что и другие, не задумывался об яме подобные мысли считались позорными думать что когда-то заполнял яму кощунство по отношению, ты работал на детей и на жену, им тоже пора забыть в обыденности, что яма это комическая история чуть ли не анекдот их тоже когда-то вытаскивали они и я не любил вспоминать первого прикосновения света как будто существует богатый выбор иногда мысль что достоин другой участи какой? за тебя решат отвлекала меня от предпенсионных рабочих дней опустив лопату замирал снимал с лица повязку и отдыхал внутри вагона весь белый от цемента был превосходного качества через крошечное отверстие наблюдал за миром ночь всадник пронесся с факелом переключка сторожей иногда в жаркую погоду раздевался прохладный порошок на теле медленно превращался в панцирь как-то присел отдохнуть завернулся в брезент и заснуть тебе приснился или не приснился забыл как это было может ничего и не было, отец и сын на прогулке, в их разговор вклинивается описание поля боя и расстановка боевых сил, разговор продолжают командующие враждующих армий, разговор о поместье, описание поместья, зачем поместье? все убиты, только командующие остались живы, они играют на лютне и поют, катают друг друга на санях по берегу реки Инь, их встречают отец с сыном, командующий северной армией рассказывает историю про отца и сына, деньги, история началась, игра в го, работа, рождение, хохот, командующие расходятся, набраны новые войска, сражение на берегу реки Инь, положение к началу декабря, отец и сын, прогулка, отец смотрит сквозь лед на дно, отец устало смотрит на самое дно, сын смотрит на сидящего в санях отца, устало смотрящего сквозь лед на дно, далее идет их диалог, сегодня чудесный день! да! доедем и попьем чая, да, ты чувствуешь себя, да, лучше? да, налим нерест декабрь

роды подо льдом, я решил покатасть отца, доставить ему последнюю радость в его предпоследний день, доехали до распада, долго пили, у меня упала чашка, он уронил ее нарочно, я хотел одиночества, а не чая, сын раздражал, отец притворился больным из последних сил, как и всю жизнь, года через два хочу приручить волка, ты так и не ~~поднял~~ поднял чашку, мой сын нелюбим матерью и мной и зимой когда я собирался уйти из дома нелюбимого мной и матерью моей не напоминающей нынче о себе каждый раз хотел уйти ото всех и от себя ты снова выронил, она полна, ты снял очки чтобы не отвлекала конкретность, увидел за пеленой изможденным хрусталиком темные силуэты, но что это? ничто ли? твоя тачка, тачка с тобой была пятой от дверей, в щель меж досок ты рассмотрел потолок, нет, в углах не было паутины, а как ее здесь не хватало, этого символа покоя и тишины, где-то блестела вода и сильный жнец не без радости покидает сон, чтобы забыться в полевой работе, в ложбинах туман из дверей дым, мужчина горит девяносто минут, женщина восемьдесят, перед дверью выламывают золотые коронки, уже не пожевать морковь, чуть прокисший творог застревает в горле, наглые слепни не дают забыть о родстве с теплокровными, как живописна сталь в крошках травы, живой ветер взьерошил сено воду волосы, кузнечики жиреют от вкусного дождя, солнце гладит дно глаз, возносится вверх животворность под кожей у сосны, но не забыть прохладную липкость ели, прижаться щекой к чистой смоле, собрать букет из папоротников, откуда приходят эти предметы? почему кружатся над тобой лежащим в очереди оплаканной на разный лад с порезанными сухожилиями ты будешь смотреть на собственный ~~костер~~ костер на огонь своего сердца, как состриг бы я но не успел, очищающий огонь не откажет и тебе в покровительстве он возьмет твое убогое жилище, или как там его называют, плоть, это звучит гордо, и ты спокойный, невидимый будешь совсем свободным, чтобы издали рассмотреть то что называли жизнью шевеленье вольвокса

останется, ты удивишься, что еще будет? обязательно узнаешь, в конце концов, каких еще концов? зайка зайка! самое тяжелое это согласиться на расставанье, но ты так часто расставался с травой светом движеньем, что когда придет пришла пора уйдет пора расставаться с капризным мягким механизмом, унаследовавшим из всего разнообразия мира только десять чувств, но, впрочем, может быть, тебе удастся этого избежать, сын? где-то ты сейчас и кто возит тебя, жаль оставлять на съедение собственную голову, меня беспокоит будущее собственной головы, у тебя расширились зрачки, скажи, какой сегодня год? второй! если считать от начала? от начала будет второй, но тебя давно, нет, поехали, дальше, мать на тебя сердита, дальше, страшно, жить вдвоем, и ждать, кто первый, мужчины живут меньше, вылив всю энергию в таз, они становятся дряхлыми гермафродитами и с мыслью о выполненном долге спешат насладиться параличем, чей я сын сын? посмотри вниз, ноги, слишком много для, женился ты в шестьдесят, молодая сука ожидала моей агонии она не знала что я переживу ее мне нравилось просыпаться рано и сдергивать с нее одеяло ей снилось одно и то же как ее любимый разгружает цемент и называла меня козлом но не уходила, еще бы! получать мясо и деньги за то что старик сбрасывал с нее тряпки, а когда-то она обожала, я нашел ее в углу вагона, под слоем цемента спала крошечная девочка, он уехал в лес, построил дом, сад, выкопал пруд, развел щук и карасей, шло время, хромота, слепое, корявое время шло, но не доходило до дома, затерянного в лесу, неучтенного, незанесенного на карту геодезистом, заносимого на месяц снегом, теплого, тихого дома, ей шел десятый год, она не умела говорить, ты и не учил, пустолайство, жили молчаливо, питаюсь зимой снегом, летом светом в тишине чтобы не скучала ты заставлял ее промывать песок, ручей проходил сквозь дом, сидя на печи наблюдал как она неспеша выполняет бесполезную работу, ни золота ни глины в ручье не было, промытый песок она высыпала вниз по те-

ченью, продолжала промывать до вечера если встречались знакомые песчинки она несказанно радовалась и скучала по ним, пока вновь не появлялись, росла хоть и грязной но ладной и крепкой, ее облик вобрал в себя холод грустной зимней ночи, когда холод мерцает, а ночь, влюбленная в великолепья зимы, еще больше темнеет, молчание и покорность, готовые вот-вот лопнуть, доставляли тебе скучную радость, летом ты водил ее на поляну, привязывал за ноги к дереву и оставлял на несколько дней наедине с травой и дыханием, свой досуг ты проводил в пути вниз по реке, там ты менял песочные часы на соль, и обратно, однажды он задержался, девочки на поляне не было, с топором искал ее четыре года, наконец заметил на высокой сосне огромное гнездо, стал рубить, большая тень скользнула по траве, невиданное неслыханное упало на тебя сверху, едва успел отскочить от сосны, как тварь приземлилась и обратившись лишь взглядом взмолилась чтобы добыча осталась погостить в гнезде, вернулся домой сожалея о согласии, отметил про себя, а тварь-то! лапы тигра, живот крокодила, прозрачные крылья, грудь кормящей женщины, зеленая совиная голова, девочка вернулась через несколько лет, она поседела и постарела, окрепла и выглядела совсем не девочкой, была брюхата, безрадостно продолжала промывать песок, хриплым голосом выводила какую-то каркающую мелодию, два года продолжалась твоя болезнь, удочеренная ухаживала за тобой, ты догадывался, кто помогал ей добывать пищу, дочь часто пропадала, ты знал куда она уходила, но возвращавшуюся с дичью и плодами не мучил распросами, как-то в ответ на твою ласку бросилась и вцепившись зубами в щеку выдрала кусок съела, ты слег, она не ухаживала за тобой, и пролежал неделю, пока лесной пожар не разбудил тебя и старый знакомый волк не выволок твое тело, дом сгорел, в волчьей стае ~~крик~~ прожил четыре года был верным советником в набегах через засады флаги и капканы первым шел и как-то лежа у костра после удачного забега в окружении сытых друзей повел

сказ о прошлых днях, играх в го продолжается, волк не ~~хит~~ вынес твое тело, ты сгорел, из углей выбрался младенец, младенчество пошло вспять, тебя окружили в лесу, поймали, воткнули в живот кишку, замазали воском глаза и засунули через жесткую щетинистую дыру в мешок там ты стал быстро уменьшаться пока наконец не исчез прошло столько-то времени, сколько надежд было у тебя, ты не хотел покидать мешок, но тебя выманили, ты оказался на острове, отец в прошлом военный моряк был единственным кто уцелел от бомбежки твое детство так и не закончилось однажды что-то кричащее огромное многоголовое и всеильное подхватило тебя, ты гулял по берегу, и утащило в пучину, тебя съели хищники, потом кого-то съел ты, все время менялся, с одной ступени на другую, прыг, скок, со свистом, с песней, с улыбкой, от акулы к планктону, пока не стал тихим всплеском волны, волны любили берег необитаемого острова, иногда течение позволяло передвигаться по дну, вблизи острова оно было усеяно костями и книгами, из волн тебя часто выбрасывало и тогда ты улета́л вверх, маленькая молекула воды, не успела она подрасти, как забрали на войну, воевал бесстрашно, вскоре повысили в звании, рота охраняла подступы через реку Инь, это был важный объект, по мосту отступали наши войска, враг подошел совсем близко, отчетливо виднелись их черные усы, командир приказал держаться до последнего, положение южан, Шестая армия в составе 27-го армейского корпуса, 25-ой и 38-ой кавалерийских дивизий, смотри приложение, сверх того до 3 000 тысяч безоружных бойцов, наши войска переправились на северный берег, нам предстояло пасть, северные имели на 24 декабря в своем составе 3-ю кавалерийскую бригаду, лейб-гусарскую дивизию, дивизию резерва, восемнадцать батальонов, четыре эскадрона, девяносто пять орудий, пятьдесят шесть пулеметов, растянутый фланг, это знали в штабе северных и держали под парами два эсминца и пять подводных лодок, в ночь перед наступлением пал туман, странные испарения вывели из строя орудия и пулеметы, мы оста-

лись с ножами, как только показались цепи неприятеля наши роты бросились бежать и в реке были расстреляны своими, пока сонные солдаты, едва выбираясь из грязи, дошли до наших позиций, я успел сварить суп и был сыт по горло, наши взорвали мост и отступили, меня увезли в прифронт-вой зоопарк, я принял это за шутку, но прошел месяц, а я все еще сидел в клетке как попугай накрытый тканью, иногда мне кидали рыбы головы лед сухари я страдал от холода никакой одежды не было южные капитулировали меня по-прежнему держали в клетке стоявшей между барсуком и енотом наступил май, появились мухи и молодежь, мне бросали печенье в один из весенних дней сняли цепь вычистили накормили и перевели в клетку с гимнастическими снарядами, целый месяц заставляли тренироваться и сытно кормили, недобрые сны гонялись по пятам, наконец при большом скоплении народа перевели в просторную клетку с оранг-утангом, клетка стояла на возвышении играл оркестр, обезьян был немолод, огромные когти щекотали решетку, он то зевал, то плевался в зрителей, меня подтолкнули острой пикой, зверь раскрыл объятия, оскалился, увидел стальные зубы, оранг-утанг схватил тебя, прижал к груди, я услышал как бьется сердце, он отшвырнул меня в дальний угол, обливаясь кровью и смехом мы встали и приготовились умереть вытянув лапы и приплясывая обезьян приблизился я отступил кольнула пика зверя не не кормили десять дней толпа шептала он его сожрет от страха опустел мочевого пузыря почему он молчит закричала толпа какая фантастическая роль, я не умею говорить, подумал ты объятый дрожью и потом, а было ли что сказать? сказав это, я сделал шаг, нет, бросился в дальний угол, быстро вскарабкался по решетке, обезьян подпрыгнул, сдернул тебя за ногу, хлестнул об пол, когда ты очнулся, зверь сказал, еще не поздно написать книгу, мы вновь стояли как борцы перед схваткой, стало холодно, стемнело, подул ветер, повалил снег, освежевал раны, а было ли что сказать? спросил я, он защелкал стальными зубами, послушай на прощанье мое сердце, ты подошел к во-

лосатому сопернику, прижался к груди, он считал до десяти, раз, будет ли там снег? два, семья? три, цементный вагон? четыре, подкидывай? пять, остров? шесть, плен? семь, оранг-утанг? восемь, казнь? девять, возвращенье? ты успел выскользнуть из цепких лап, вспомнил что можешь нападать сам, я устремил всю кровь в правую руку, вытянул ее, она светилась как раскаленный чеч, обезьян прыгнул, ты ударил его в живот, вспыхнула шерсть, мечь вошел в мохнатое тело, пальцы обхватили позвоночник, я долго ломал его, теряя последнюю память, чудовище рухнуло, толпа вздрогнула, какое вероломство! бедный зверек! полетели камни, дверь выломали, толпа ворвалась в клетку, содрала ~~меня~~ с меня всю кожу, толпу разогнали, тебя отвезли в гостиницу, дали одежду, деньги, я был свободен и поехал в деревню, чтобы родиться, я родился в деревне, зачем? никто не знает, отец крестьянствовал и был кажется племенным, иногда он встречал мать, мою, ее я не помню, помню колодец, в пять лет попал в приют, на всю жизнь, отец сгорел в лесу, из приюта бежал в другой приют, выучился делать деревянные ложки, не мог говорить, слова не выползали однажды гулял по лесу заметил пожар в доме кто-то был мог сгореть хотел помочь но меня схватили и обезволили на утро лежал в мешке на дне океана там было темно дно охладило тебя и его и кого? не вижу, из всех слышимых слов осталось слово надо, на! до! сколько грохота в двух слогах власти, всего четыре буквы н, а, д, о, а дно но да но он дан дада ад но адно но дано, и снова надо, грохот, надо лечь и рассмотреть сквозь лед, за ним грохотала война, через лед, иная плоскость, так наблюдают через стекло за улицей, во дворе происходило сражение, оно сменилось картиной семейной идиллии, ты увидел мужчину в окне был вечер зажгли лампу пахло дубовыми цветами ты видел их? и они увидели, увидят, но ты был молодой волк убежал он хотел говорить он не мог бежать и если смог то он сказал когда я был глуп и потому молод я часто навещал места моего детства приблизившись однажды к своему дому а

сколько их было у тебя свет вода огонь ветер я заглянул
в окно будущая мать дремала за книгой сверчок катал уси-
ками маковые зерна пьяный отец изматывал себя в пляске,
стало тихо, кто-то коснулся плеча, ты поднял голову и
увидел как рушится мост, армия неприятеля наступала мгла.

Ладья темных странствий

~~Ладья темных странствий~~. Не болей, не балуй. Природа дважды обманула. Да, и еще какое-то искусство—какая-то внебрачная игра самцов. Девушки рукоблудствуют начиная с мифов. Жизнь как вдох, без выдоха, короткая, мучительная. Ум хорошо, а два сапога пары—не лучше. Чужое мясо называют говядиной. На всякого мудреца довольно семи грамм свинца. Время гаечно-аграрных романов—проливной дождь, преимущественно без осадков.—Нефертити с пластмассовыми носами пили пиво—но этого мало—не хотите ли купить замок?—Весенняя грязь—незримый, возвеличенный удел.—Смущенный сумрак единодушного восторга.—Ты сел в лодку, надо проверить переметы—четыре взмаха веслом.—Игра в лобные кости, шестерки нет.—Еще четыре взмаха веслом.—Исполнить путь спасения в созерцании пути?—Успеть бы доплыть до острова, надо поднажать.—Страдание мирового круговорота выжало из Тебя осадок жадной мысли 2 мир, мир дому твоему! Но есть ли дом, Ты? Иногда казалось, что дом—это череп, неприкосновенный, хрупкий, любовно выточенный из кости. Как часто топтали твою неприкосновенность, Дом! Звук, запах, боль, сон—эти приживальщики пытались свить над твоей крышей гнездо. Ты отгонял их, они мешали рассмотреть комнату, камни, кровать. Столовой не было, видимо, скрывалась где-то в подвале. А сколько приказчиков и хозяев помимо этих приживал! И единственный законный постоялец—мозг—амброзия поскосторонних дновидений.—Ржавая уключина скрипела—куплеты железа. Ты наклонился осмотреть перемет. Заменял живца, распутал леску, тихо отплыл от рогоза.—В дни чугуновой депрессии, в дни безрадостные /а радостных, как оказалось, не будет/, в дни отчужденности, тупости, смятения, в дни мучительные, тяжелые—в такие дни ты приходил на кладбище и наблюдал сцены похорон. Это отшибало чувство пустоты, ты остро ощущал, что наполнен кровью и радовался холоду, теплу, дождю. "Чужая смерть животворна". Ты возвращался домой с освежаванными ощущениями не то что жизнерадостности,

но- свободы, силы, надежды. Мертвые не потеют. - Ты подплыл к другому перемету, на колышке висел обрывок лески. Жаль, последние кованные крючки из синей стали. Они были для тебя ювелирной ценностью. Но до острова еще несколько жерлиц.- По уржовине колкой, по метастазам дорог, днями тягучими, по чащобам разбитых эмоций, по жаре, в пустоте, в черноте ты добрался до этого озера, до этого темного, светлого, чистого, грязного, длинного, короткого, мелкого, глубокого, полноводно-безводного озера. Ты знал, что здесь будет встреча. С кем - неизвестно, но ты догадывался.- На одной жерлице был сом, на другой- щука с тремя глазами и серебряной серьгой на жабре- чудеса начинались.- В мелколепьи дум появилась лотосолицая певунья. Где-то упали осколки смеха, дробь припляса. Всплыли пироги сознания.- Ты наклонился, чтобы увидеть дно. Там шевельнулось.

Задумывался ли ты: сколько стоит стакан воды? Нет, не в походе, не в безводных краях. Последний стакан, предпоследний, стакан, который тебе принесут. Да, и над этим - да! Если до сорока лет не женишься, ты обречен на связь с костеляншей или на конкубинат с матерью-одиночкой, имеющей троих короедов и способной терпеть полумужа лишь потому, что ты забиваешь гвоздь и меняешь половицу. Конечно, у тебя есть средний заработок и жизненный опыт. Но весь смазливый взвод женского пола уже разобран, хозяйственницы, мастерицы, тихони, умницы растасканы по норкам и успели испортить зрение от чтения прибауток, склонившись над рукоделием, вышивая гладью- лакомый сюжет для художников с бисексуальной ориентацией. Да, тебе придется закрывать глаза на диспропорцию голени, на волосатые уши, на каноническую глупость, на домашний шпионаж, на крики: ты меня не любишь! на ревы: мало работаешь! И все это ради стакана воды, который тебе могут принести на старости лет в постель, а могут еще и подумать. Но нужен ли тебе стакан? И не проще ли носить э т о т стакан с собой? А может быть /гениальная мысль/, носить

портрет э т о г о стакана? Как ни странно, стакан с водой— основная аллегория семейственности. Если извять его из платины, инкрустировать рубинами, изумрудами, топазами, а в него налить... чего бы налить?— ну хотя бы живой воды из сказки, то он достанется тебе почти даром по сравнению с последним стаканом воды, в стоимость которого входят расходы на досвадебное обаяние, на свадебный жор, на комнату, на жратву для благоверной, на пищу для ребенка, и если в месяц ты зарабатывал 150 единиц дензнака, то за 20 лет семейного джиу-джитсу кредит на получение стакана с водой /или на изъятие одного/ составит 30 000 единиц. Из железа, ушедшего на эти деньги, ты мог бы отлить стакан весом в 300 тонн. Я бессилён перед поговоркой /мудрой до содрогания/— счастье не в деньгах. А еще скажешь, что тот ручей, у которого ты иногда сиживал, дарован природой, лес дарован природой, но добавишь с сомнением: и я дарован природой... и замолкнешь... кому? Таково добавление к воде, все-таки приподнесенной в стакане /мир не без добрых/. И замолчишь навсегда, прошептав: зачем? Этот вопрос тебе не позволят задать, заткнут рот подушкой, ватой, соломой, зальют камфорой, чугуном, аргоном, кашей— знай, мол, наших, мы мужественно помогали тебе вытянуться до последнего вздоха. Но все дело в том, что этот вопрос ты задавал еще тогда, когда был силен и немощен, болен и здоров, велик и мал, когда тебя не было, быть не могло, не должно.

Как-то раз показалось мне, что Там вставал кто-то другой. Бессмысленно искать определения этому нечто-никогда-некогда-бывшему-без меня. Он или она оттеснял меня в дальний угол палаты. Палата, дом или — неважно — существо было раза в четыре, в сто, больше меня. Серое, скользкое, оно застыло без энергии и просило только одного. Внимания. Но для этого требовалось много сил. Они в те времена были невосполнимы. Молчал и я. И я погладил хоть что-то. Можно сказать: "погладил голову". Некто заскользило ко

мне. И мы перепутали роли. Две руки гладило две головы. Ты понял. Признаки пола: портфель, голос, очки — еще не появились. Некто еще и еще раз дал понять, что желает со- страдания. Медленно, я почувствовал: оно ждет ~~хлеба~~ не ласки, а удара, не успокоения, а уничтожения. Нет. По- гибнем вместе. Не стану бить. И начну последний путь ру- ка об руку с тобой, ангел мой! Нечто засмеялось и, при- няв странное положение, выражающее, должно быть, мольбу, замерло. Ты не имел права убивать, но что я знал тогда? Отвернувшись, я погрузился в воду. Разбудила досада. Она сменилась завистью, зависть — уважением. Как мог мой сото- варищ по будущности так скоро понять трагедию Исхода? Оно желало исчезновения. Несколько раз мы косались друг дру- га, и восхитительная дрожь /я испытывал подобное наслаж- дение, когда менял шкуру/ выводила меня из оцепенения... Но я молчал. Я не хотел и не мог помочь. Молчание сотова- рища продолжалось. Я впал в забытие. Когда оно кончилось, обрадовался одиночеству. Радость безгранична, если не считать легкой тревоги: что-то улиткообразное, оставше- еся от моего /-ей/ родственника /-цы/. Вскоре я распрощал- ся с тем, кто растворился, не родившись. Когда выпал, вышел на холод, и время начало свой круг, кричал, отбивал- ся: к нити, связывающей с тем ушедшим миром, приблизи- лось движение ножа. И я проквашал: Нет, Нет! Не хочу— рва- лись из тебя крики — не отрезайте дорогу назад. Я протя- нул руки, защищая нить, и нож нащупал меня. Я остался без рук, затем лезвие оборвало последнюю связь. Удушающее Вонь. Между первым и последним вздохом предстояло. Оно уже дыбилось, накручивая на меня, кололо, прокалывало спи- ну, ноги. Искомая боль вливалась в рот, а паралич тряс... тело трясется до. Пока! Однажды я попытался вернуться. Может быть, продвинувшись по подушке, я захожу и в свою крепость? Начал путь, изнурительные поиски привели к краю кровати. Последовал укол. В голову проникла едкая жидкость. Стальная мудрая игла. Попытки повторялись...

Абсолютная тьма, — кто-нибудь ее знает, — не отнимала у предметов свой цвет. Все они были сплошь меняющиеся, пересекающиеся линии, безмолвные раньше и после, до меня.

Лежал на столе горела лампа освещала разрезанную грудь открытую для света сердце последнее билось последние минуты чья-то рука держала его в своей приятно-холодной власти ладонь поддерживая сердцу снизу открыл глаза закрыл свои открыл рука принадлежала сове с женскими грудями уже иссохшими она курила пепел падал на открытый дряхлый мотор она сказала небывалая эротика держать в руке бьющееся сердце сказала еще скоро мы расстанемся совсем я сохраняю на память эту книгу ты долго писал молодец счастлив и я рада и счастлива вами созданным воображением беспощадным к хозяину власти слов к вам она заплакала капая слезами они падали на меня прошивали тело пули утреннего расстрела затем швырнули в лодку и до сих пор кто-то носится в ней по темным волнам в неизвестных морях в неизвестных мирах.

Как червь во флейте задремал у истоков антимира; хотелось прддлить сон — жаль расставаться с Пустотой: тоны тонноклокотов: оратория тартаротрат. Свет лопнул — роды глаз. Долго, до последних отжати слезных желез вопрошает искатель щей. У кого? Но ни болт, выточенный до универсума, ни всезаполняющие хлеба не дадут ответа. Монолог не... Диалога не. И чтобы ни делал — отсюда ноги не уберешь. Мир — больница, в коридорах которой в жмурки должно играть. Что поделать? — пожизненный иск лазаретных щей.

Конечно же помнишь их вкус.

Непонятное так наскучило, что злостно ударил по небоска-
ту и сбил мошкарку облаков, кинул их к ногам Отца. — Что
ты натворил? — Мне что-нибудь поинтереснее, чем жизнь! —
Хочешь видеть горы музыки, летающей внутри черного све-
та? — А такое бывает?
. за стеной: грядущие будут вспоминать
нас, и это согреет умерших. Добрые и внимательные буду-
щие поколения скажут спасибо за то, что мы вымостили до-
рогу. А когда они станут прошлым, будем еще более благо-
дарны им за то, что они придумали нас — несуществовавших.
Идите, идите в наш мир, здесь каждому найдется урна, что-
бы сплунуть в нее тело и, сплунув, звать других разгля-
дывать рассветы. Здесь каждому найдется учитель, который
научит слову, и вы еще долго будете звуками слянявить
вход в пищевод. Гули-гули, кмс-кис!

Ты погрузился в ощупывание мыслей; не находил даже следа.
Руки, обязательства, страх, комната, душа, скучающая по
своей родине. В часы твоего сна душа улетает в свою стра-
ну, к запредельным истокам, к подругам, где крылатые те-
ни успокаивают друг друга: осталось совсем немного, ско-
ро кончится бред одичания с музыкальными погремушками,
обещаниями тех, кто сдает комнату. Домовладельцы уйдут,
дорогу помнят по наследству, а истосковавшиеся уставшие
страницы соберутся вместе. Они горько смеялись: какой
кошмар! — постоянно уговаривать своего хозяина БЫТЬ, бат-
рачить на него, придумывая успокаивающие сны, носочные
заботы, песочные письма. Подруги, собравшись, пожалуют
о выброшенных годах: молчат; и, наверно, кто-то из них
сочувственно отнесется к дальнейшей судьбе покинутого
хозяина. Встречаются и такие, у которых являлась нежно-
способность; бережливые, им удавалось защититься. Такой
мечтательнице непременно вспомнится то, как в редкие ча-
сы дружбы, в тревоге за будущее, они успокаивали друг
друга: не ты виновата, и не ты виноват, не ты первой

покинешь меня, и не ты. Но приходил мир забот, заслоняя Мир: ненасытный молох пищевода поднимал вой; его дружок-клозет- был голоден,- тоже - симпатия!- любовь. Обмой, злотканый, облик блика мой.

Надо навестить тебя, ободрить пораненное твоё, в котором пресневеют слизистые течи. Мне кажется- ты долго не протянешь. Это поняла там, дома, когда улетаала в ночные часы. Путешествия, поезда; я смотрела налампу - я - помню - в - день - нашей - встречи. Все кружилось и кружилось вокруг нее; рядом со мной дряхлая бабочка и слепака-шмель, а ты ночью с лампой собирал мухоморы. Тебе еще не отпилили корни... Под комариным киселем в кисее-капель пота-крови; тебе попался участок, богатый грибами; ты высматривал и выискивал самый большой гриб, под ним дремала змейка-сказительница, и если бы не я, кусившая ее в глаз, в раскосую пропасть фантастических дум, она бы увела тебя за собой. Но мое благодеянье не было замечено, стоит понять. Ты нелогично не убил меня, а, подставив палец,- я вскарабкалась на него,- поднес к глазам и любовался. Я поняла- ты не тронешь; какой смысл?- в мухе меньше паразитов. Да и красива я: шевитовое брюшко и глаза-братья-аметисты. Правда ножки кривоваты- не молода. Поползла по твоей руке, отпылав симпатией, покинула тело насекомого и переселилась. Бездыханное тело мухи затерялось где-то внизу.

Памятна одна ночь. Ты спал с тяжелой болезнью. Я, решив немного отдохнуть, впервые столкнулась с Ужасом, Афродитой и Безносой. Они сидели на кухне и пили сваренный петушиный голос-яичницу. При этом обсуждали твоё поражение. Афродита сидела на твоих собранных пожитках в беспрерывных обмороках. Ужас, отощавший в просвещении, говорил: если Афродита уйдет- мне нечего делать. Громче всех визжала Безносая, она была в ветрянкой, с зубом

чугунным, державно отлитым, девица центнеров в девять. Кстати, не такая она и безносая... Она умоляла собеседников умалить увяданье и доказывала, что паника преждевременна, еще не время для бегства. Затем говорил Ужас-чистенький, каменномясый. Он говорил-долго-красиво-чертил схемы: мечтал компромиссно. На меня /сидела на стене/ даже не взглянул, лишь Афродита пролила: шляется всякое быдло...

Несмотря на контракт между мной и хозяином, я почувствовала возрождение ненависти. Хозяин сказал: слишком много приношу боли, пришла пора разлуки. В следующую ночь улетела на отдых, как всегда, оставила вместо себя хоровод сновидений. Но вернувшись, не нашла никого. Ночь задышалась, близилось утро. Мне угрожала гибель, если не найду себе дом, хоть какой-нибудь. Скорое солнце. Какой-то декабрь, ледовый шторм, вода поднималась; холод и Одинокое. Упала во двор, влетела в подвал, впилась в единственное-старую кошку. Не повезло: слепая, ошпаренная смолой, по которой ковыляли одрябшие вши. Поселившись, затряслась от хохота, кинулась в окно, волоча хвост, испачканный в смоле. Во дворе дети варили второй котел. Долго пытались загнать в него, но кончились дрова. Котел остыл. Тогда, подцепив крюком за лысеющую ляжку, потащили на седьмой этаж, протащили мимо богини с пристяжным глазом. Оглушенная темень. Сивый великан-официальный злодей из юных любителей респекта-держал в одной руке свистящую стрекозу, в другой-меня на крюке. На чердаке зажгли свечи на пироге, пыльные танцы, пуды искр. Говоры о полете. Речь обо мне. Подвязав к огромному насекомому, дали свободу вниз. Падая, увидела в окне шестого этажа мольберт, в окне пятого-кровать, книги, муравейник на столе, на втором этаже-человека со змеиной головой во рту, на первом-уже перед землей, когда стрекоза выломала крылья-раненное лицо девочки: она жевала бувет маргариток, ри-

совала убитую. Закончив рисунок, бывший на самом деле, она расхохоталась мужским голосом отца, который купил велосипед /сейчас он ржавел/, а краски были старыми, ржавыми, как тот гвоздь в подвале, об который, — или на его брата, — накололась шина в белую ночь, в летнее антистоп-яние.....летела она от одного хозяина к другому, не чувствуя крупа, в нем не было точки: прокол, остановка, паденье — давно — когда уже повзрослела; и, проезжая через спящие мосты предгорода, не знала, что надвигается с другого предгорода шторм ледовый — не вовсе июньский — было лето — стоял декабрь: согласие времен в разногласьи. До июня надо идти с другой стороны, с той, с которой она подъезжала в декабре: скользко; стремление резиновых дисков гнуло хорды мостов истощенным набегом.

Ты размышлял о том, что во всей догматике грехопадения самое страшное — "нелюбовь к себе", отказ от себя и, вместе с тем, ожидание другого "я". Потеря "я" — и вовсе неважно, каким путем ты пришел к этому — имеет неприметный момент — в то время, как ты искал якобы истинное "я", пора было искать третье "я", и даже — не пора, надо. Невидимая категория отчуждения прошла, и в поисках третьего "я" ты вновь придешь к ПЕРВОМУ ВОПРОСУ, к старой конструкции изначального эго, теперь испытанного в боях за себя, сильного; и тогда ты, измотанный и постаревший, не сможешь сопротивляться и никогда не двинешься в Путь. Все чаще являлось к Тебе /к Нему, ко Мне/ ощущение, что его /твое/ "я" — это не "я", а истинное "я" живет где-то вдали, не Здесь. Тогда ты начинал скучать по отсутствующему, искать, пытался догнать далекого спутника. Но у далекого "я" были другие дела и заботы, а тутешнее "я" должно было оставаться строителем клозетов. И, что бы ты не делал, доносился лишь Хохот. Он размножался. Когда же ОН /ТЫ/ сожалел о невозможности встречи с другим "я" — приходило ощущение, похожее на сострадание — единственное напоминание существующего второго "я". И тогда он

совала убитую. Закончив рисунок, бывший на самом ~~дне~~ деле, она расхохоталась мужским голосом отца, который купил велосипед /сейчас он ржавел/, а краски были старыми, ржавыми, как тот гвоздь в подвале, об который, — или на его брата, — накололась шина в белую ночь, в летнее антистопанье.....летела она от одного хозяина к другому, не чувствуя крупы, в нем не было точки: прокол, остановка, паденье — давно — когда уже повзрослела; и, проезжая через спящие мосты предгорода, не знала, что надвигается с другого предгорода шторм ледовый — не вовсе июньский — было лето — стоял декабрь: согласие времен в разногласьи. До июня надо идти с другой стороны, с той, с которой она подъезжала в декабре: скользко; стремление резиновых дисков гнуло хорды мостов истощенным набегом.

Ты размышлял о том, что во всей догматике грехопадения самое страшное — "нелюбовь к себе", отказ от себя и, вместе с тем, ожидание другого "я". Потеря "я" — и вовсе неважно, каким путем ты пришел к этому — имеет неприметный момент — в то время, как ты искал якобы истинное "я", пора было искать третье "я", и даже — не пора, надо. Невидимая категория отчуждения прошла, и в поисках третьего "я" ты вновь придешь к ПЕРВОМУ ВОПРОСУ, к старой конструкции изначального эго, теперь испытанного в боях за себя, сильного; и тогда ты, измотанный и постаревший, не сможешь сопротивляться и никогда не двинешься в Путь. Все чаще являлось к Тебе /к Нему, ко Мне/ ощущение, что его /твое/ "я" — это не "я", а истинное "я" живет где-то вдали, не Здесь. Тогда ты начинал скучать по отсутствующему, искать, пытался догнать далекого спутника. Но у далекого "я" были другие дела и заботы, а тутотнее "я" должно было оставаться строителем клозетов. И, что бы ты не делал, доносился лишь Хохот. Он размножался. Когда же ОН /ТЫ/ сожалел о невозможности встречи с другим "я" — приходило ощущение, похожее на сострадание — единственное напоминание существующего второго "я". И тогда он

отходил от себя и, прочитав вчерашний монолог, глядел на то, что было его убежищем. Задавал вопрос— что ему надо? В пустоте солнечной бесплотности— вновь вопрос. И Хохот становился твоим товарищем, другом. Когда он обращал взор в сторону нового друга, готовый уловить сомнение, сон смыкал глаза. Хохот становился покорным, готовым для монолога. Слова рождались каверзные, состоящие из тяжелых звуков; они призывали к другому. Слова не улетали, неспособные к полету, они кружились у ног, вглядываясь в лицо. Волшебные сочетанья: ДаНет — НетДа; сочетания означающие, но не раскрывающие.

Как хотелось узнать час Начал. Где вы, бесовские дудочки? Бес славия в бесславии. Образная ловля — — — — Ворон ходит по рукописи и спотыкается о слова. Он разглядывает его.

Вечер за окнами, за оком ночь с обеих сторон. Пытались вместе с воронком реанимировать тишину. Ворон думает о собственной доброте: не выклевал глаза хозяину, когда тот вчера уснул пьяный. Хозяин: сколько птичьих полетов вскор-млено глазом!

Улыбка знакомого кроводавца.

Кому нужен путь? И если блажные знают, отчего молчат? Прикидываются, что довольны склеиванием коробочек.

Замерзли руки, но продолжал: чего жаждет слово?— коробочек, пустынь, бестелесности. Тема страха, носок, пищевода— эти темы для Слова ли?

/В день собственных поминок повторить бы сказанное выше./
Надоело ждать. И жертвы некрасивы, взаимозаменяемы, безлики. Сколько их взбухло и растаяло в столь обожаемом пейзаже. Пейзаж тоже хорош: для кого-то бережет самое ценное— картину потрясений. Попробуй не полюби объедки пайка: лес, горы, море. Дряхлый скопидом. И жаль былой привязанности к нему; столько усилий зря.

Руки совсем замерзли, но язык ворочался: время угловатых

сказок: жили-не были. Дальше сказки фантазия не идет.
.....а Безносая в детстве на велосипеде каталась,
цветы собирала, придумывала духовность в виде мухи; цик-
личные композиции, иррациональные отправления...
А между тем...

Афродита бодро готовилась к службе. Позавтракав крокоди-
лом, запеченным в мармеладе, Безносая заплетала ей косу.
Вчера долго на кухне дзенькали колокольчики чайных стака-
нов и кричала до утра Безносая: мерзкие дети, если не ис-
правитесь, покину вас.

Ужас клеил душу. На губах Афродиты студень из пантокрина.
Безносой явился сон: озверевшие лошади, из которых росли
елки. Да. Она и проснулась от брызг конской свадьбы. — Ты
нахальная баба, — говорила Афродита, — даже не краснеешь! —
Чем живы? Цинизмом! А кто его обновит? И ты тоже! — Это
верно, — подхватывала Афродита, — театральное "Летите, лебе-
ди, летите". Мы заказчиков своих в шляпах не хороним. По-
следний урок вежливости.....когда с Фатумом за-
кончено дрязгобоище. На эстраде мраморный подшейник.....
..... Нож вскрыет грудину от горла до паха. И шепот:

ты слишком долго копался в механике собственного. Мастер
вытащит за шею птицу в белой мантии. И в этом приеме-до-
черишке увидит все причины речи, оборванной для вечности.
Этот последний отец без работы никогда не сидит, молодцы-
красавицы для него стараются.

Протухшая богиня с броневыми зубами приходит повидать пер-
натых. Хохотулька мертвечинку кушает. Иногда не довольна
оказанной честью.

И что за народ пошел, — говорила Безносая, — все спешат пою-
родствовать на тему смерти. Черные плащи, разбитые зерка-
ла- детская мистика. Пока в рот ананас лезет- никаких
крестов. В свою смерть не верю. В самом деле, кто докажет
мне это? Вот и клиенты мои и твои так рассуждают: с дру-
гими происходит, а с нами не произойдет. Продолжение пу-
ти принимают за случайность. Не пора ли поменяться места-
ми. Скоро земли не хватит, вдавливают в прадеда, в отца,
в мать. Нормально, — продолжал утром ты, — истину в галан-

терейном магазине можно купить, а затем проваливают. Как можно? Теперь самое время послушать о ~~кстрадикиих~~ страдании. Или- кинуть грош нищему, чтобы разрыдаться от собственного милосердия. Сатанеют молоки в жилах игристых, будет повтор нулевой, который станет рвать прядь мозговую над пошлейшим вопросником.

Ты бродил по незаконченным лабиринтам; время от времени темнели на стенах доски: памятники архитектуры. Летел игольчатый дождь, гуманный спутник. Перепончатые крыши получали порцию воспалений. На чердаке сидели летучие мыши, уверенные в перевернутом мире. Лизал их воздушный поток. Как сладостно уцепиться за носителя памяти, хоть какой-нибудь, лишь бы память. Ужас бродил по чердаку с томиком стишат, с узеньких плеч свисал плед. Прислушался к дыханию спящей Безноски- она в горячке, вчера каталась на лодках, перевернулись. Ужас вылез сухим. Он надел пенсне, поискал в оглавлении "Утешенье"- гаденькое стихотворенье с прихлипом, с очертаньями зубов, пахнущих воплями; пейзаж, небо города. Захлопнул томик подошел к окну сквозняк. Задумался: слишком задержался, когда же подадут поезд. Вещи давно собраны: галстук, пиджак, перчатки. Посмотрел на асфальт. Взорвалась лампочка, кудряшки вольфрама остыли. Поправил одеяло на Безносой и вышел из чердака, вошел в пустую комнату, в ней много народа. Шел спектакль. Давай поболтаем! Хочешь вина? Сердце? Ничего, бахус расстрясет. Отчего так поздно? Веселился с девочками. Под вечер кровь из носа пошла. Переусердствовал. Гадко? А не кричать на меня. Сердце? Значит скоро в путь. Не грусти, почитай на сон что-нибудь о глине... Поверь сыну, я тоже... хотя в детстве перед ликами на дудочке играл. Ласковые пастушечьи трели-звуки. Пытался ублажить. Молча слушали меня и качали головами, сейчас знаю почему... А на другой день хмурились, и снова играл я, но хмурились они больше... Незадолго до этого научился обуваться. Помнишь?

Потом ты купил мне маленькую карусельку. Болванчики на картонных лошадаках крутились вокруг шатра, никак не могли оторваться. А я заводил пружинку еще и еще. Бокал грязный, возьми другой. Хм, о чем это я? Скучновато, зеваю. Слышал про пьяную обезьяну? А я и не кричу. Забыл, что тебе вредно..... и я.....я.....да, уважаю, но любви не получилось. Не бойся, в дом престарелых дотащу. Соседи не проснутся. Перед глазами образы милых..... как они повизгивали. Ничего, старикан, не завидуй, в свое время тоже неплохо веселился. Да, все думаю, сколько таких вечеров осталось. У тебя-то они давно прошли. Последний пистон чистыми руками. Поиграл свое и хватит, теперь можно за газету, где-что-кого, собирание грибов, тайком от семьи пить, плакать над запрятанными письмами, далекими бумажками юности. Запретно-далекое! Нравится, как я говорю? И мне. Ты трясешь головой; ха, старик трясет плешивой головой..... Но когда-то, о! Когда-то со своей любимой вы тоже..... Медовый месяц, всего месяц, не год, не десятилетие... Она и ты, загорелые, в белых костюмах. Домик с верандой с видом на море с веселым лицом, теннис после завтрака, затем купание в уединенном. Моя любовь! Два пищевода соединились. О, мой дорогая. Конечно, клятвы...и ты, и ты... Задышались... Еще не соединились, а ребенок погребен. Друг друга успокаивают; не ты убийца, и не ты.

С нег; триллиады иголок выстлали музейную простыню на шарк тротуара, на цинк крыш; одинокие снежинки из тех что по-смелее уносились к холмам на севере спортсмены ладные любили там жизнь и себя и снега вор у воздушных ворот робок ленивый утренний воздух на скорости больше ста двухсот больше в километрах утоляя голод риска с гор лыжник; глаза Своих закрывает повязка чудес мозговых скорость больше, в дерево, раскол Неизвестных, лицо в ствол, скорость погасла, мысль же в разбег утаив и в лиственничную крону

сквозь просветы нитей древесных древа с вершины летела мысль несла к весне свое тело, снег залетал в форточку ложился на пластинку оркестра, вновь в окно улетал, прилетал в это окно через год был виден газовый завод начинал пробуждаться, светало, немного, свет подкрадывался в контуры предметов, затем в полутона, в комнате, неизвестно где никому ничего никогда некогда лежал человек, шепот, шепот мягкий чудесный, умный шепот нового неизвестного никому ничего никогда да начало с "и", оно, это "и" есть приглашение, не-о-пре-деленность и неопредельность в письме, добавление, связка, рука, нить, замок или пальцы чужих неизвестных существ на глазах, на шее, указующих направляю..... "и" это ~~хихика~~ вакуум, он будет заполнен, позже, и когда стихнет, угаснет, уйдет музыка, память? они вслед за тобой, забытая песня лишь мертвая зыбь, зов бесконечен в мирах, распрощавшийся с действием с жизнью с понятием в нас, кто он Звук что помог нам сдержать дать укрыть от всевидящих глаз раз познавших в мелодии лишь ход и прощанье но с кем? пейзаж манекенщик природы, птицы пусты они чей-то полет океан глубина или путь, долгое шествие на дно, вода к воде прикосновение, она в воде, метафизика глаз, доказательство, озера и звери предметы желаний, быть может виденья, толкуют о бездне, гонит в небе воздушные струи она унося утешенье, утешенье для призраков, которым никак не исчезнуть, и уход если он состоит лишь обман быть нам вечно в пути, в то время он издевался над со знанием законов, окружавшее свободнее слова растворялись как пруттик ускользали чем чаще испытывал себя любовнее становилось отношение к собственной боли, комичнее представлялась разлука с ней, праздник откапывал легкое сознание отделялось безболезненно и созерцало с глазами поднявшимися черное и безголосое тело праздновало заключительную оргию, мозг был единственным гостем, удары, рука, треск кожи, визг кровати, пух волос, пачка криков, вода, вода, сабля, труба, визг, надо, шепот, надо, борьба выглядела неискренне призрак молчанье хватка

за ноги головой в стену хохот цветы слезы обиды надо
смех глаз долгожданное время каникулы телесного единения,
еще бьется сердце честный извозчик вовсе пирует глупая
печень, полон оптимизма мочевого пузырь пока живет всеми
забытый спинной мозг трудяга отдыхает уже, скоро в путь
мозг радуется ему и только ему предстоит закрыть занавес,
белковая громада готовится к последнему писку просто го-
товится просто глаза неизвестно куда именно и конечно
мозг скорбит со всем богатством придется стать грязью для
небольшого сожаления, он спешит посмеяться над остальным,
понимая гнусность смеха другие не знают, да и по какому
праву заботиться? именно мозг теряет больше всех в плохую
компанию попал его друг спинной уже начал филонить, спе-
шит отдохнуть, оставил без движения левую часть тела ему
как и другим идиотам обещали продолжение, подальше от
таких друзей, а глаза? они не смотрят на эту куклу прося-
щую до сих пор чего-то глаза вылетели в форточку посмот-
реть на небо долгожданное тело билось в простынях в глаз-
ницах застрял пух много терпел ты от падали навязанной
силой почему ты должен как и они стать говном вместе со
случайными друзьями, совпадение, трагическая оплошность,
если бы знать раньше, есть же выражение сойти с ума,
стойти, уйти, но поздно, ты попал в положение уходить
последним если повезет и не дезертируют глаза, хотелось
бы увидеть последний миг, самый последний важный перрон,
сейчас в тебе начинают проясняться затхлые уголки памяти,
воспроизводя начало того, что уже, путь, из зоны обоня-
ния сообщают, тогда, давным-давно был запах остывающего
свинца, затем страшное долгое Существительное, длившееся
неизвестно сколько, в памяти все стерлось, осталась не-
уверенность в том, что это был именно твой выход, но это
позже, а до того.....целое п у т е ш е с т -
в и е, вот неплохой кусочек, ты как-будто в лесу, ты
толст, ломаешь ветви, стволы, и не идешь, а летишь
вскользь по кронам и по-над землей, в зависимости от пого-
ды, огромно, студнеобразно, куча хвороста, черное, на чер-
ном фоне леса шепотосмех, бряцанье кеглями, группа голо-

сов, хотели сперва вытрясти из убежища, а потом достали лопаткой, которой оторвали две руки, осталось еще две, это был период, леса не было и ты носился по тамошним сферам девственником, не вспугнутый ни кислородом ни обязанностью, однажды ты услышал пульс и шуршание, так шуршат змеи, вылезая из старой шкуры, прослушивание, вынесение приговора, ты ощущал через тонкую защиту плаценты огромную трубку и ухо в белом халате, удушье, сон подлетал к беззащитному предмету или к тому что было вместо него, хищно поглотил твое спокойствие, впоследствии вновь обретенное в скачке по асбестовой плите ты содрогаясь и сожалея искренне и бесконечно понимал ужас происходящего.

Желанный стройный светло-коричневый тобой рожденный Ужас. Как ты несчастен. Немощен. Ты, Ужас, болен. Но и твоя болезнь не смертельна. Вернутся твои разноцветья, станут совершеннее. Ты все время в работе, мой друг, в заботах. Измучен шумом, бессоницей, иллюзионом. Это и это не повод для Печали. Вы встретитесь. К тому же ты очень точен, мой единственный утешитель любимый. Ничто не разлучит нас; буду делиться последней коркой, возможностью. Буду на ночь читать стихи, оберегать сон, а когда заболеешь закрою рот, заглушу, постоянство не должно тревожно, быть, судьи. Читал всей семье на ночь сказки, оберегал сон и твой, сын, и твоя, моя дочь, и твоей сестры, моя дочь; дочь моя! Сон был спокоен и твой... Мы ходили по саду, я читал, Любимые, стихи. Если бы случилось бесплодие, все равно читал бы а когда захотел кричал чтением вслух. Ибо нельзя про себя отнимать у живых пищу, и жизнь Да. Тебя, Жизнь, я заметил давно. Был тогда слеп, чтобы заговорить с тобой, но как-то случилось, что не прошел мимо; и ты, болтушка, простушка, была подслеповата, как и вся моя неготовая семья, желающая покоя и определенности, кокотка.

Туман и Вода; Вода и Воды;
Облако в Водах, в Туманном
Движении Медленных Ветров,
Ускоряющих Движение Забытых
Тумана и Вод.

Жизнь, у тебя в молодости были чистые глаза. Их я носил в медальоне и твоих волос прядь. До сих пор у меня сохранились дни нашей любви.

Ты радовалась моему обществу. Помнишь, конечно, как иногда мы забегали в кондитерскую. Кофе и пирожные. Кофе особенный, из каких-то складов, старых запасов; складов, покрытых мхом теплым, живым, ковровым, упругим, шелковистым, когда касаешься другой ладонью, потому что одной трогаешь твои ресницы, Жизнь; ты опускаешь голову, тебе нравится кофе с пирожным, которое я не очень люблю, лишь делаю вид, что люблю, хотя любить люблю, и очень всегда, когда это можно было сказать, и даже сейчас, тебе и тебе, Ужас, мой, как оказалось, более нежный друг и более верный, чем ты — простая девчонка.....и даже сейчас, когда вы просите меня почитать о любви, тяжелые дни.

Дни; круглые, темные, вы казались мне голодными.
Голодному.

Мы вместе в поезде, сонные в сонном.

Музыка. Поезд летит в тоннель.

Окончание — пейзаж —

сад.

в нем —

ход,

движение;

книги,

музыки.

Приближение тоннеля, путь дальше.

А вы, дни, закутанные в пледы и шали, сидите с часами в зубах. Один /в белой шляпе/ читает мой пульс. Какая бесцельность. Наношу удар. Пейзаж, сад, вода. Шляпа вылетела в окно. Поезд несется в тупик, проводник раздает чай и бинокли. Тупик виден плохо. Еще несколько..... в километрах.

Пятьдеся. Спуск.

И пять. Спуск.

Пейзаж - шестьдесят!

И этот последний спуск так крут, что колеса отрываются от рельс, и поезд пикирует в море. Крабов, акул он, гудок паровоза, пугает. Успели закрыть окна. С поверхности моря падают венки.

Смеемся. Среди спутников женщина. Спит. Укачало. Ты берешь ее на руки, несешь в свободное купе. Снова тоннель; пытаешься овладеть, но меня пугает шуршание ее губ. Чувствую- кто-то третий между тобой и женщиной. Надо спешить. Все в воде. Страх. Свет лампы, вижу, о радость!- перед моим лицом плачет, вылезшая изо рта спутницы, гремучая ~~змея~~ змея. Длинная змея. Хвост ее издает из ануса звуки. Спутница рвет свое платье. Затем привлекает к поцелую. Тем временем змея переползает в тебя. Потом снова в спутницу, снова в тебя, все быстрее и быстрее, пока шуршание ~~клях~~ гада не перерастает в свист единения не то губ, не то змея, не тех губ, не того змея. Колесо. Неразрывно. Огонь, глина, лед. Отрыв. Она в последнем дыханье. Остается в пейзаже. Поезд в тупик.

Часто предлагали личинке сесть в поезд. Танец на картофельных полях затянулся. Поздно. Теперь виден лишь свет уходящего последнего вагона.....выскакивание жемчуга продолжается.....если бы знать раньше. Теперь ты трепетно собираешь скромные пожитки; неумный странник, все надеешься на удачу, на оседлость. Душа /или что-нечто/ наблюдает, как ее бывший хозяин, морщась, укладывается в последний раз. Ощупаем его сон, что-нибудь отшепчем. Мы еще увидим в раскрытых глазах отраженный танец порезанных горящих сухожилий. Огонь, плавающий веселый пепел. Где-то звукочит музыкальное. А мне снова на картофельное поле. Удаляющаяся душа ласково, сентиментально вспоминает минуты дружбы. Как давно. Сейчас она испачкалась вылетая из времени было достаточно чтобы убрать ноги и безногому.

Носитель сокровищ, вместитель надежд, искупитель — в пар, в дым. Душа закрывает глаза, скрывает лицемерие. Тяжкие обязанности закончены. Пока говорил Ужас, Афродита складировала сперму; кликушество мысли, балалаечная струна на шею горлянке.

В заброшенных парниках старик сделал тебе инъекцию в ноги. Казалось, выход из физиологической обязаловки найден, ты ощущал, как становишься бесполом... Но приползла гангрена. Перед ампутацией долго уговаривал хирурга резать без наркоза. Она, худенькая гнедая нахалка учительского вида, из тех кому снится родильный стол длиной в тысячу парсеков, жуя монпасье их женьшеневого желе, объяснила: возможна остановка сердца. Остановились на компромиссе: он пообедал спиртом. Через час услышал полет циркульной ~~ястребиной~~ пилы, паденье ног в чан, оттопали свое, можно было бы сшить из кожи жилет. Жилет, который вырастил сам! Прошла неделя, пришли спецы по реабилитации, приставили к культям ноги из папье-маше. Сняли одеяло. Да. Он был без ног. Оставив в больнице две пары ног — свои и из бумаги ты вернулся по-пластунски домой. Мир стал глубже. Ты теперь редко покидал дом. Когда собирался на прогулку железкой стучал по водяной трубе. На условный сигнал прибегали глухие сестрички, взявшие надо мной шефство. Добросовестно прикручивали тебя к таратайке болтами и ремнями. Наполняли термос влагой, спускали вниз. Ты никогда не забывал взять с собой детскую двухстволку и свисток. На улице милые кобылки надевали на себя лямки. С хохотом, столь звонким и незаменимым ничем в юности, несли они тебя на низкой платформе по улицам городов, по полям, по горам, по берегу великого океана, вновь по улицам..... Ты сидел, откинувшись на спинку и рассказывал им свою веселую и интересную жизнь. Иногда они забывали о тебе, ты же, глядя на мельканье блестящих лодыжек, раздумывал о предметах поверхностных или вовсе дремал.... Смотрел на чаек: чайки,

чайки, грязные птицы! Кем вы стали и были кем? В коридорах вонючих каналов ищите благополучия. И не рыбой, и даже не отважным утопленником питаетесь вы, а банным отваром и соками из больниц.

Тебя тащили по парковой дорожке, мимо закудившего слепого, размышляющего: что он теперь может? Наслаждаться тьмой? Закурил. Подождав укуса спичечного огня, кинул обугленный костяк на ладонь листа, табачный прах укрылся в капиллярах: все-таки жестокость тьмы не без добра, не позволяет оптическому насилию иссушить мозг. Лишиться бы еще слуха и осязания — предел счастья. Ты приветствуешь его. Холодно. Как жалки приветствия. Встретив, останавливаемся, говорим о невзрачных и бесконечных обстоятельствах, желая услышать существенное — день и час о т ъ е з д а. Слепой поднял руку и открыл ладонь. Было темно, музыка продолжала жить и строить собственный дом композиции. Не собираясь возмущаться, она положила в твою ладонь что-то похожее на горсть дынных семечек. Ты открыл кошелек и сыпал туда позвонки дорогой мелодии.

Понеслись лани дальше. Вынесли тебя на стекло глубокого пруда. Девочки устали. Присели на лед. Едва закрыл глаза, как: может быть в шевелении усиков водяной блохи трагедии больше чем во всей литературе вместе взятой. Рты рвов в травах.

Наблюдая за тем, как лед прогибается под детскими ногами: звуки слепого — слепые звуки. Смотрел долго, смотрел на сиюминутные памятники лопнувшим пузырям, лопнувшим смехотворцам. Отчего минута молчания перед кем, молчат, над лопнувшей грелкой, никогда с ней не разговаривали. Как скучны вопросы вдоль реки шелест травы, трава насекомое, поворот изгиба реки, затонувшая лодка. Весло. В обрыве барахтается человек устал если не протянуть руку он заночует в омуте. Ты спустился, протянул. Между пальцами оставались сантиметры. Может быть, ты и не сорвался в воду если бы протянул руку дальше. А пока жест помощи л а д о н ь в н и з ты сменил на жест вопрошающий л а -

д о н ь в в е р х. Зачем? Зачем спасти себя, собачка, зачем вмешиваться в механизм Колеса, маленький? И почему я, маленькая куча, обязан.....заметить. Нет, я тебя не спасу потому что не было здесь не будет как не было и реки и тебя и нас в день завтра и пять лет назад сто. Я, — думал ты, — еще весь в глубочайшей тайне камня, затерян среди вопросов вопроса. Ерунда. Ты не спас человека, боялся сорваться. Глупость! Ты не спас потому что тебе не понравилось лицо. Нет! Ты не спас его потому что он не спас тебя. Потому что в омуте был ты. Потому что имел право на антипомощь. Да и где тот, который осудит тебя за бездействие? Где он, как не на твоём месте твоего отсутствия. Вы были последними. Кроме вас из всего пышного разнообразия горлопанов вообще никого не было. Мне кажется тебе повезло. Трудно представить: даже такие твердыни словесного чистоплюйства, такие величавые формулы твердолобия, НЕТ, ДА, — будут незримиыми, исчезнувшими, и не разбудят сон с л о в а биологическими притязаниями. Молчание пришло с появлением последнего пузыря. Предпоследний человек уже на дне омуты. Ты огляделся. Нет, мир не изменился и не стал чище, но, несомненно, он стал пронзительнее, ибо с последним свидетелем ушло ВРЕМЯ, и исчезло с последней попрошайкой звездного света сомнение в твоей многозначности.

Не забыл. Перед тем как маленький человечек скрылся в пучине он прошептал: СПАСИ... Какие буквы он не успел дошептать: ТЕ или БО? Его глаза перед затоплением были необычайной глубины и чистоты. Теперь все понятно: он не хотел спасения. Я еще долго пребывал в задумчивости с протянутой рукой мокрой от дождя. Чтобы как нибудь оправдать увилие затраченное на поклон реке ты выхватил из быстрых вод стрекозу сбитую ветром заботливо сдул с нее воду подкинул вверх. Быть может показалось как из воды несколько раз поднималась кисть предпоследнего человека и исполняла хватательное движение. Скрутив сигару из ядовитейших листьев ольшаника задумчиво двинулся вслед за насекомым.

Когда ты видел детей, ты вспоминал слова гидролога: когда я вижу детей, я радуюсь — подземные воды не иссякнут. Несомненно это была рыба. Ты наладил снасть, закинул леску, на леске, привязанной к удилу, крючок с червем, груз поплавков. Стал ждать поклевки. — Огляделся. Когда по легкому трапу сойдете на берег, невольно вдохнете полной грудью. Какой простор! Высокое небо, широкий плес озера, полупустынный остров и соседние островки, покрытые хвойными лесами. И тишина, которая неувидительна в этой широко раскинутой стране лесов и студеного озер, местами непроходимых топей и болот, скалистых гор, стремительных рек и пенных водопадов. Сказочны ее богатства — рыба и пушнина, железная руда и соль, гранит, мрамор. — Поплавки скрылись. Ты резко подсек. — Среди замшелых глыб нашли уют редкие породы ящериц, а кое-где и змей. В сырых местах встречаются... — Сорвалось. — ...безобидные ужи. Порою пронесется над головой белка-летяга, а вдали вдруг раздастся трубный рев лоса, усиленный многократным эхом. В этих местах можно наблюдать интересные миражи, временами возникающие над гладью озера. — Снова поклевка. Ты подсек и вытащил из воды маленького человечка. Он был гол, на спине имел нечто вроде стрекозиных крыльев. Из его рта лилась кровь, он дрожал и тихо стонал. Ты растерянно искал слова извинения или прощения. Крючок высунул жало из горла, кровь постепенно остановилась. Хорошо сложенное тело пойманного существа вдруг напряглось, он вдрогнул крыльями и затих. Ты тупо глядел на жертву, голова ~~ее~~ твоя свалилась на грудь, челюсть отвисла — тебя затопила мощная боль в шее. Из рта брызнула кровь. Все это было так неожиданно и непонятно, что ты хотел броситься в воду, но тут увидел, что на крючок кто-то попался. Ты осторожно подсек и вытащил из воды крошечного, величиной со спичку человечка. Крылья его трепетали, из горла торчал железный крючок. Пока ты осторожно вытаскивал крючок из горла, твоя боль исчезла, кровь перестала литься из моего рта. Человечек немного покорчился и затих. Новый приступ боли.

Твоя одежда в крови. Ты насадил на свинцовый груз кусочек хлеба — крючок срезал — и закинул леску. Поклевка была мгновенной. Ты вытащил человечка, мертвой хваткой впившегося в хлеб, разжал ногтем челюсти и положил его на дно лодки. После каждого улова боль в моем горле исчезала, но ненадолго. Так ты продвигался к острову, гонимый теченьем и ветром, ежеминутно вытаскивая из воды диковинную добычу. Совсем стемнело, когда ты вступил на остров. На острове находилось озеро, в котором плавал остров, на нем — озеро поменьше, на крошечном островке виднелось вовсе незаметное озерцо, в котором бурлили силы. Разложив костер подогрев хлеб и воду ты обогрел выловленных человечков. Они улетели. Похоронив убитых двинулся к озеру, что было. Не спалось решил искупаться. Едва ты погрузился в воду по горло как мягкие ткани растворились и под водой остался один скелет. Но ты продолжил. Путь до острова закончился. Я вышел и снова обшит кожей. Прилег. Шаги. Приближалось.

Ночной туман лицемерно оросил слезами твое тело, чуть закрытое вязкой тиной. Под сердцем вспыхнул и погас образ возвышенной речи. Он хотел отблагодарить небо за тишину. Из груди иногда звуки. Именно они и были, похожие на клетот, ты уже не способен на слова, преодолев ту грань, за ней звук аррры или круалл точнее передает чувства, чем "прекрасно". Ты забылся в обаянии исторгнутых звуков. Отдыхал долго. Козни поздней осени обыкновенно бранны. Осень, ужель судьба твоя так далека от разносудеб дней моих. Как повторяем, как презрителен, как пьян твой край и сер. Твой дом печален: трава запущена не мною ~~любим~~ любим твой сад. Как редки встречи и пустынен берег. Мой сон был крепок, ты — здоров. Когда проснулись все, развездилась вода, то — отражение, то — блеск прощанья неба с глазами и со словом, что довело весьма негладкою дорогой меня еще живого до дня, рожденного сегодня. Тень близится, за нею утро...

1977 г.